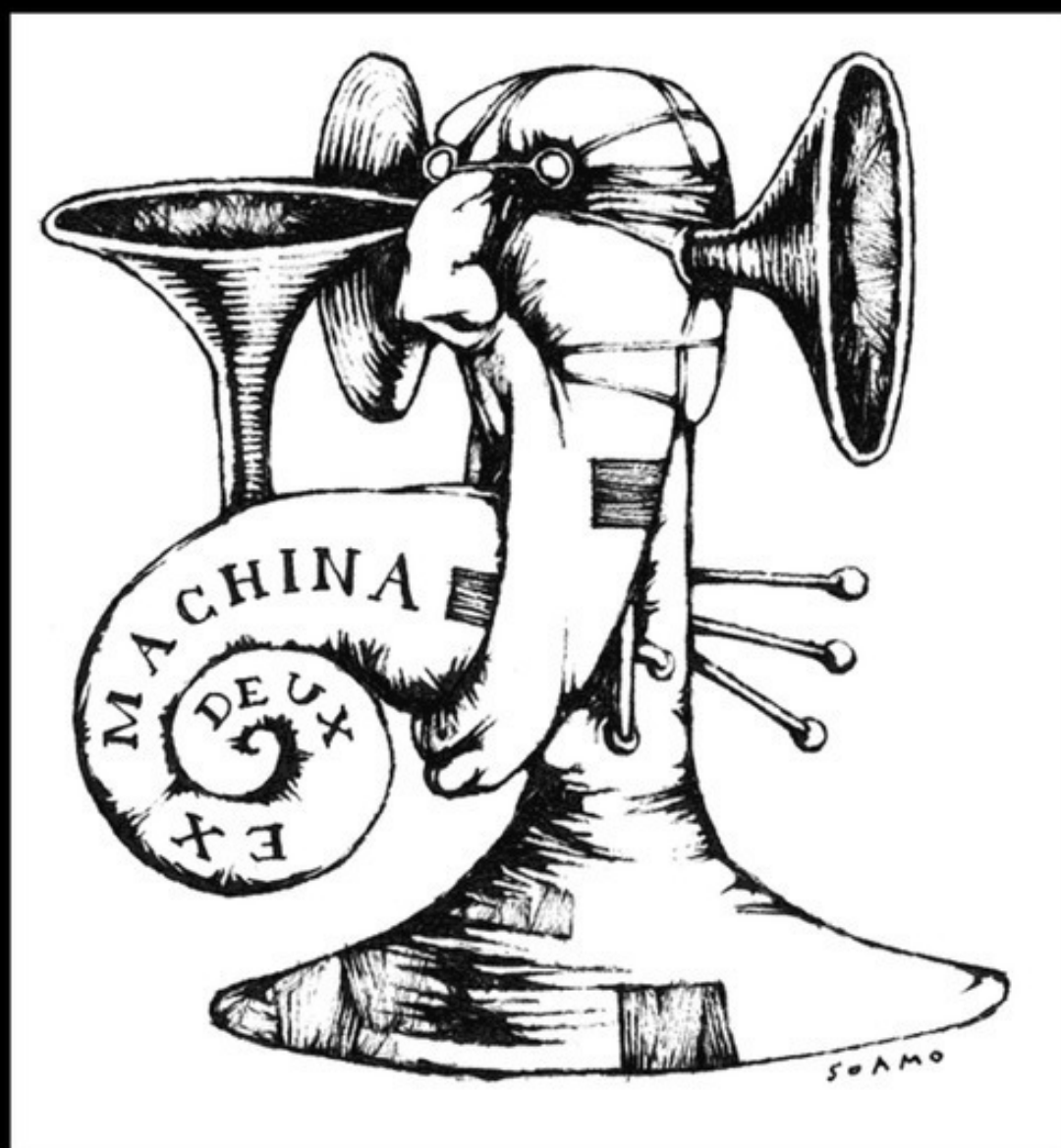

Алексей К. Смирнов
Судоходство в пролет

ЖЖ-ФБ 2006—2013

Алексей Смирнов
Судоходство в пролет

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Судоходство в пролет / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

Юмористические миниатюры и этюды, опубликованные в Живом Журнале и ФБ автора с 2006 по 2013 гг. (первая часть — «Броуновское движение»).

Содержание

Судоходство в пролёт	7
О литературных настроениях	7
Судоходство в пролёт	9
Путешествие по-французски	10
Психологические функции	11
Прекрасен ваш союз	12
На переправе	13
Пропу вдогонку	14
Мегачикатило	15
Портрет	17
Экспонаты и экспозиция	18
Синухет	19
Дивиди	20
Параллели	21
Как писать книги	22
Место для памятника	23
Майский жук, или Вестник несчастья	24
Либо ружье, либо последний акт	25
Продовольственный секс	26
Котик	27
Ибанок	28
Зажигалка	29
Если хозяин с тобой	30
Мама приснилось	31
Гомеопаты	32
Десант	33
Сказка	34
Цивилизация	35
Фотопортрет	36
БАМ	37
Кинотеатр, сапог и дальнобойщик	38
Домик-пряник	39
Выпечка	40
Плотники	41
Лишай и вечернее платье	42
Гитлер	43
Близ небожителей	44
Фрилансер	45
Трансформер	46
Назойливое преследование	47
Аристон	48
Благая весть	49
Чем занят Бог, покуда черт дремлет	50
Бабочка и Чжуан Чжоу	51
Моя добрая, любимая жена	52
Чума на оба ваших дома	53

Упущенные возможности	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Судоходство в пролет ЖЖ-ФБ 2006—2013

Алексей Константинович Смирнов

© Алексей Константинович Смирнов, 2015

© Владимир Камаев, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Судоходство в пролёт

О литературных настроениях

Захожу я сегодня, в Лето Господне 2006, в самый, как заявлено, богатый книжный супермаркет на Невском; захожу и спрашиваю Евгения Шварца – ну, вы же знаете: «Два клена», «Золушка»?

Не имеют понятия.

Ах да, я перепутал, это случилось в магазине «Снарк» (известно ли этим негодьям, кто есть Снарк?)

А на Невском меня живо интересовал Януш Корчак, «Король Матиуш Первый».

У меня была эта книга, одна из любимых, подаренная на десятилетие, но мое семейство минувшим летом беспечно оставило ее в деревне, и он теперь, широкоглазый Матиуш в потрепанном переплете, изучается кем-то через очки подслеповатыми глазками под хруст унавоженных носков внутри валенок.

Магазинная барышня распахнула глаза и разинула маленький ротик-точилку.

– Кор-чак? – переспросила она важно. – Какой жаанр?

Все стало ясно.

Я махнул рукой:

– Классика это, – объяснил я. – Король Матиуш Первый.

– У нас эта книга вряд ли найдется!

Я спросил ее «Почему?» таким тоном, что она окаменела и, можно надеяться, обмочилась. Я вышел и отправился в редакцию издательства беседовать с редакторшей о разнице между литературой и книжным бизнесом.

Мы улыбались друг другу и были чрезвычайно любезны, но оба явственно слышали, как звякнула скрестившаяся сталь и пролетела искра.

Если уподобить литературный текст живописному полотну, то работу над ним можно представить себе так. Вот, к примеру, художник нарисовал, как некий полный человек с очень ласковым и заведомо положительным, ангельским лицом отрывает яйца другому человеку – не то откровенному демону, не то мелкому лавочнику. Неважно, какая в этом идея – нарисовалось, и все. Приходит редактор, взирает на весь этот концептуализм, пронизанный конструктивизмом, и требует дорисовать большого поросенка. То есть добавить печатных знаков – авторских листов. Причем на переднем плане. А сверху изобразить эльфов, резвящихся на драконах, и написать «Лукияненко», а поперек поросенка кровавыми буквами – «Сорокин». И дать еще экзотический пейзаж с пулеметными вышками и минаретами. Да приписать в уголке, что это только средняя часть будущего триптиха. Она ненадолго вывалилась из подворотной тройки, где еще уже почти существуют приквел и сиквел. И рядом со стаканчиком отирается зачущенный гэг.

Серийное преступление задумано и готово свершиться.

...Уже под вечер я забрел в последний магазин, где снова имел несчастье спросить о Януше Корчаке и Короле Матиуше.

– Это вам надо посмотреть в первом отделе...

– Нет, в первом отделе взрослая литература, а у вас – детская...

Недоуменные взгляды, переталкивание локтями.

– Это для какого же возраста?

Мало, оказывается, написать книжку, да еще отправиться в печку вместе со своими юными читателями-слушателями!

Это рукописи не горят – в отличие от писателей.

Теперь, я думаю, уже не в средней школе – зачем? – а на филфаках Корчака можно подавать лаконично: был такой аффтар – фтопку его...

Судоходство в пролёт

Я забегая в будущее.

Это не 2006.

Это июнь 2007.

Каждый ребенок знает, что питерцы не ходят в музеи. Им кажется, будто они живут в музее, а потому ходить туда незачем.

Я и сам не люблю музеи. Я ничего не понимаю в том, что там выставлено, а объяснения экскурсовода забываю не то что на выходе, а гораздо раньше.

Но всему есть предел. Жить в Питере сорок лет и ни разу не посмотреть на белые ночи под разведенные мосты, или наоборот разведенные мосты под белые ночи – это, конечно, позор. То есть по отдельности я все это видел – и белые ночи, которые мало чем отличаются от непроглядных, потому что спать хочется одинаково; и разведенный мост я тоже наблюдал, и очень даже долго созерцал в нескрываемом раздражении, потому что отчаянно стремился туда, на другую сторону.

А в сочетании не видел ни разу.

Но вот случилось увидеть.

Я даже заранее поискал в сети график разводки и с ним ознакомился. Обещание «судоходства в пролет» решило дело: иду. В мире происходит столько интересного, я ничего об этом не знаю и только выдумываю всякое из головы, чего не бывает.

Мне понравилось.

Никогда прежде я такого не видел.

Ассоциативный ряд, правда, соорудился вполне медицинский, и моя моральная разнужданность перешла границы. Акватория кишела маленькими суденышками: лодочками, катерами, прогулочными судами. Никогда прежде мне не приходилось видеть такого столпотворения. Все они мельтешили в этой влажной среде, напоминая интимную микрофлору – очевидно, болезнетворную. Спринцевание в виде разноцветных далеких фонтанов не помогало. Микроорганизмы резвились в ожидании судоходства в пролет. Но потом я решил, что это все-таки не микробы, а больше сперматозоиды, потому что они вдруг резко умножились численно и, галдя, славя какого-то Олега Васильевича, потянулись стройным потоком из этого самого пролета, еще не раздвинутого. И это было явно преждевременно, потому что основное судоходство еще не состоялось.

Такие функциональные расстройства медицине известны: судоходство толком не началось, а все уже устремилось к очередному пролету.

Однако оно все-таки началось: раскрытие пролета произошло, и в него полезло сигарообразное судно с утолщением на носу. Ассоциативный ряд достроился столь недвусмысленно, что я развел руками, не стал больше ничего сопоставлять и поехал домой.

Путешествие по-французски

Верчу машину времени обратно.

...Обидел жену – и кто меня, спрашивается, тянул за язык? Зачем я это сказал?

Она купила французский фильм, на французском языке, называется «Бон вояж», то есть «Счастливого пути».

Ну а я со своей любовью ко всему французскому немедленно дал свой перевод: «Ебон путешествует».

И что, если разобраться, в этом такого? Все равно правдоподобно. Вполне могла бы случиться такая комедия, с Ришаром или де Фюнесом, и уж наверняка с Депардьё.

Психологические функции

Прокатился с дочкой на Диво-Остров, где аттракционы.

Вообще, я диву даюсь (то-то и название), как много людей готовы заплатить деньги за некие действия над собой. Скорее всего, это особы, у которых преобладает юнгианская функция ощущения, они воспринимают мир кожей и мышцами, расположены к мазохизму, любят зубных врачей, пирсинг, каттинг, татуировки. У меня же преобладает, пожалуй, функция интуитивная, и вот она-то, интуиция, не советует мне заниматься этим делом. Я вообще не люблю, когда меня раскручивают, подбрасывают, переворачивают вверх ногами и проделывают другие штуки в таком же духе, потому что начинаю ощущать свою полную беспомощность во власти безмозглого аппарата.

Но некоторые приобретают даже VIP-карты по 4000 рублей с правом без очереди проходить на любой аттракцион сколько угодно, но с интервалом не меньше 7 минут. Вот кто такие настоящие VIP-персоны, а вовсе не те, кого нам показывают; персону, считающая себя очень важной, по определению и должна круглосуточно вращаться, переворачиваться, подпрыгивать и фотографироваться с обезьяной.

Дочка пошла не в меня. Огонь! Хлебом не корми – дай повисеть на хвосте. Я уже по привычке к местному ассортименту удовольствий, и только устойчивый, всепроникающий запах попкорна отравлял мне существование, но выяснилось, что выстроили за лето и кое-что новенькое. Я проследил за взглядом моей дочки: она стояла с разинутым ртом и смотрела вдаль. Я тоже присмотрелся, и вот мое сердце остановилось, мое сердце за-мер-ло. Там стояла вышка не ниже парашютной; на которую снизу была нанизана обычная лепестковая карусель со скамейками на цепочках. Карусель медленно поднималась на самолетную высоту и там, на границе стратосферы, начинала крутиться. Фигурки были такие маленькие, что даже проплывший в синеве воздушный шарик я на мгновение принял за опустошенную и оторвавшуюся на очередном аттракционе голову.

Дочка, как выяснилось, уже знала, что такое «Вышка» (это «Сатурн»), а еще «Палка» и «Люлька» (не помню точно, что это такое – некая катапульта и еще что-то для забрасывания людей в небеса). Меня спасло лишь присутствие дочкиной подружки. Я твердо заявил, что раз подружкиной мамы нет, то я никак не могу согласиться на вышку, палку и люльку.

Прекрасен ваш союз

Немного побродил по площади Искусств, в виду Русского музея, где стоит Пушкин и рука у него наотлет.

Я никогда не понимал этого расхожего жеста: что это – облегчение деятельности межреберной мускулатуры или попытка обратить на себя внимание старика-Державина?

Однако немощные старцы, Старики Козлодыевы и Державины, рассредоточились по периметру вокруг чтеца и ссали по углам периметра в кустах сирени, обращая на себя внимание других народов и государств, которые прогуливались и погогатывали неподалеку с фотокамерами. Все в них было чужое, и даже Никон – не патриарх, а фотоаппарат.

На переправе

Вот это сегодня довольно жутко было.

Перехожу проспект.

И сзади вдруг раздается нечеловеческий, каркающий голос, в котором – дружеская издевка:

– Кто-то идет! Ногой наступает!...

(Это кто-то кому-то).

Пропу вдогонку

Ребенок приступил к занятиям в пятом классе.

Чтение закончилось, началась литература.

Сегодня на дом задали написать о разнице между чтением и литературой. В семье разгорелся спор, и мы в итоге дошли до смыслового анализа «Колобка» – вещи, по-моему, достаточно сложной и темной.

Дочура уверенно заявила:

– Смысл Колобка совершенно понятный: стареньким дедушкам и бабушкам нечего мечтать о детках, а то у них родятся дауны, без ручек и без ножек, потом куда-нибудь укатятся, и их сожрут.

Мегачикатило

Когда мне поручили написать коммерческий боевик, я с самого начала понимал, что в тексте должны упоминаться технические устройства и прочие штуки, о которых я не имею ни малейшего понятия.

Конечно, для тех читателей этой продукции, которых я перед собой вижу, все это совершенно не важно. Я могу написать, что Ахмет сбил вертолет выстрелом из пальца, и это съедят. Но заказчики потребовали поразить воображение и вообще преподнести технический позитив. Так что мне понадобился консультант, и мне его дали.

Многие сетевые друзья, возможно, помнят отрывки из боевика, которые я вывешивал на всеобщее обозрение. Тогда все громко смеялись и выставляли его автору разнообразные диагнозы, которые я при личном знакомстве не стал снимать. Да, все правильно, консультантом оказался именно этот безобидный старичок.

Я вынужден прибегать к конспирации и утаивать места, имена, должности и прочее. Поэтому ограничусь самыми общими словами. Он принял меня в подвалах одного из старейших питерских соборов – я думаю, это достаточно общая характеристика, чтобы его никто не нашел. Консультант там работает; он провел меня в келью, где обстановка не изменилась с блокадных времен: печка-буржуйка, дореволюционные полуистлевшие папки, радиоприемник тридцатых годов, выпущенный на заводе им. Калинина, и прочие раритеты. На стенах висели плакаты военной поры. Я понизил свой голос до шепота, меня охватил трепет.

Консультант усадил меня на стул и разложил бумаги. За пару дней он, оказывается, предположительно набросал план нападения на важнейший государственный объект, со всеми подходами к нему – воздушными, сухопутными и водными. Вполне осуществимый, по его мнению, план. Доверительно поблескивая очками, рассказал, как бы он это сделал. Представил подробный план инфраструктуры этого секретного объекта. Потом представил план отражения атаки, два варианта, опять же со схематическим изображением самолетов и субмарин. «Аккумулятор», прочитал я пометку. Благодаря ему теперь я знаю про пояс акустических датчиков, пояс электромагнитных датчиков, пояс прохождения аквалангистов и многое другое.

В этих сырых стенах консультант пожелал мне удачи. Он поделился своими методами написания боевиков: он рисует Дерево Целей – то есть набрасывает предлинный список героев. А потом вычеркивает трупы.

Это Мегачикатило.

Я потрясен и раздавлен, мне дали по носу и ниже.

На самом деле это очень милый, простодушный человек.

Однажды мне понадобилось написать боевой роман про затопление Питера.

– Мне нужно затопить Питер, – объяснил я. – Совсем. Я не знаю, как это сделать.

– Это очень просто, – с готовностью ответил консультант. – На Карельском перешейке, в 150 км от города, под землей проходят такие особенные плиты... тектонические... и особенный грунт. Если там просверлить две скважины глубиной в километр и в обе заложить по малому ядерному заряду, то плиты сдвинутся. С Ладоги пойдет волна 5–6 метров, она сметет все... Мы даже в свое время хотели это сделать, но власти выставили забор, охрану, вышки, потому что американцы тоже начали проявлять интерес, и все заглохло...

Выделенное курсивом он произнес мимоходом, небрежно, с легкой улыбкой – так улыбаются, припоминая что-то забавное и далекое. Я не стал прояснять этот темный момент. Поднял руку:

– Спасибо! Достаточно. Мне больше ничего не надо.

Я, кстати, впоследствии не без любовной заботы и с самыми добрыми чувствами набросал его личность в повести «Стеганая Держава» – о заведении публичным домом, потому что в человеке этом скрывается колоссальный потенциал трудолюбивого энтузиазма.

Портрет

У жены бывают очень меткие характеристики. Сходила она на родительское собрание, присмотрелась к преподавательнице предмета, который поименован «Языком Искусства».

– Завхоз! Рожа такая, будто съела килограмм макарон и пришла. Я все ждала, когда жопу почешет...

Экспонаты и экспозиция

Некоторые думают, что я, когда рассказываю медицинские байки, рассказываю медицинские байки. Да вовсе нет. Я о другом.

Злоупотреблю терпением: вот отрывочек из моей хроники «Под крестом и полумесяцем»:

«Девчата, я в последний раз вас предупреждаю, – сказала заведующая сёстрам. – Не ходите по отделению в пальто! Больные берут с вас пример и тоже ходят».

«А как же нам ходить? – спросили сёстры. – И у больных все пальто висят в палатах – что же им делать?»

«Надо вешать на левую руку и идти», – объяснила заведующая.

«А какая разница? – спросили у неё. – Микробам всё равно, где пальто – на плечах или на локте».

«Ничего не всё равно, – сказала та. – Если через руку с левой стороны, то ничего не будет».

Я ведь это написал не для того, чтобы над бабулей-заведующей посмеяться, которая не в уме была. Это, так сказать, вводная. Теперь даем ей расширение.

Пошли мои жена и дочка в Этнографический Музей, в прошлое воскресенье. Полдень. XXI век. В Музее пусто.

Куплены билеты.

На контроле караулят экспонаты: пожилая, кушает что-то из баночки, и молодая-ранняя, с детектором.

Молодая:

– Так! снять верхнюю одежду!

Жена:

– ???? Это жакет. Это не верхняя одежда. У вас холодно.

Это и вправду был жакет.

– Снять верхнюю одежду!

– У меня и юбка имеется к этому жакету – ее тоже снимать надо?

– Что вы учите меня жить?

В Музее действительно было отчаянно холодно. Мои бы закоченели там через десять минут даже в жакете.

– Снимите и хотя бы через руку перекиньте!

(Тогда ничего не будет.)

Молча вручили-вернули билеты и ушли. Кассирша, которая была рядом и все слышала, закричала: «Возьмите хотя бы деньги!» Не взяли.

Такие дела.

Синухет

Читаем с дочкой древнеегипетские легенды-сказания. В переложении для школьников, конечно. Дело-то для меня совершенно новое. Меня этому не учили, все это прогрохотало мимо, где-то вдалеке. Так что я тоже образовываюсь параллельно.

Вот, прочитали излюбленное произведение древних египтян: повесть о Синухете.

Раз прочитали, второй, третий, и с каждым разом дело все больше запутывалось.

Там фигурирует некий египетский посол, который шел с караваном и проводником к жадному вавилонскому царю, нес ему какую-то грамоту и подарки. Но вдруг их застала буря, они с проводником бросили караван и спрятались, и с этих пор уже вавилонский царь и грамота для него уже прочно забыты. О них больше не говорится ни слова. Оба путника являются в оазис к какому-то местному царьку, после чего уже и проводник забыт, будто его не было никогда на свете, а посол уже не помышляет почему-то о своей миссии и хочет только домой. Его знакомят со старцем по имени Синухет, чтобы старец его проводил в Египет. Этот старец многие годы скрывался у царька, потому что сбежал от Сенусерта, старшего сына фараона, во время героического похода. Сенусерт однажды исчез неизвестно куда (и больше уже не появился в повести, и ни слова об этой тяжелой утрате), а Синухет подслушал, как некий неустановленный в повести злодей замышляет обскатать Сенусерта (очевидно, живого, но где-то спрятавшегося) и занять трон внезапно помершего фараона. Почему-то этот разговор так напугал Синухета, что тот убежал к царьку. (Совершенно непонятно, почему.) И жил у царька до седых волос. Египетский посол его пожурил: негоже жить у царька, надо на родину! И тот раскаялся. И обещал сделать все, что от него просят (проводить посла обратно в Египет). Потом вдруг проходит год, и к царьку прибывает караван с носилками для Синухета. (Из справочника я узнал, что пропавший Сенусерт нашелся (как, где его носило?) и все это время, оказывается, царствовал, но в повести о том ни гу-гу). Синухета собираются вернуть в Египет (но разве он не побывал там год назад, когда проводил посла – почему же не остался?). И соблазняют: для твоей мумии изготовят ящик из ливанского кедра, и быки потянут тебя... будут плясать карлики у входа в гробницу твою!

Предложение, от которого невозможно отказаться.

В общем, очень темная история. Абсолютно непонятно, о чем она. Чуждый, непостижимый разум. И эти карлики меня озадачивают: что заманчивого в том, что они попляшут у входа в гробницу? Хорошо, что я тогда еще не жил.

Боюсь я, правда, что они так и пляшут, и меня примутся развлекать, когда настанет время. Бывает, что нечто подобное я замечаю уже здесь, в составе тленного бытия.

Дивиди

Чувствую себя немножко гинекологом.

У меня никогда не лежала душа к этой дисциплине, и мне ставили двойки. Помню, откомандировали мою особу учиться в женскую консультацию; я зашел, поклонился, сел в углу и застыл.

– В зеркала смотреть будете? – оглянулась на меня докторша, склонившаяся над посетительницей.

Я молча покачал головой.

Так я и не приобрел навыка проникновения и созерцания, а зря. У меня забарахлил дивидишник: мало того, что показывает всякое паскудство, так еще и тормозит. Я поплелся менять якобы бракованный диск, но меня унизили и развернули обратно. Проверили там у себя – ну, девушка этим заправляет, ей-то проще поддерживать систему в рабочем состоянии. Оказалось, что диск очень даже хороший, несмотря даже на его содержание.

– Надо чистить головку хотя бы раз в три месяца, – строго сказала мне девушка.

Она и в андрологии с урологией разбиралась.

Дома я сел на корточки, как взрослый, вооружился пинцетом и проспиртованной салфеткой.

«Hello», – сказала мне щель.

Я осторожно заглянул – ни хрена не видать. Какая головка? не вижу ничего. Колесико вижу и натянутую резинку – пасиком это называется, да? И все. Кромешная темнота.

«Goodbye», – изрекла щель не без злорадства.

...К тому же смущает терминология, она уже даже и не гинекологическая, а вовсе наоборот. Этой специальностью я тоже не увлекался.

Параллели

Дочка читает легенды и мифы древней Греции и Рима.

Кое-что пересказывает.

Темная, позорная страница в истории человечества, никакой морали, полное непонимание добра и зла.

С другой стороны, все было честно. Никто не говорил, что мир развивается поступательно под управлением главного божества. Мир был многополярным и многофакторным – таким, каким он видится нынче некоторым прогрессивным правителям.

Зевсу было до лампочки темные дела, которые обдeldывали, скажем, Афина Паллада или Посейдон. Он вмешивался, лишь когда сам этого хотел и был такой же отпетой скотиной.

В дочкином изложении все это приобретает предельно конкретное изложение. Хотя я даже не знаю, о ком она говорит:

– Один мужик втюрился в сестру жены, утащил ее в хижину и, чтобы не орала, как бешеная, отрезал язык.

И мне сразу кажется, что я слышу не дочку, а своего брата-милиционера.

Как писать книги

Год Таракана, зодиакальное созвездие Жопы.

День не заладился: бесшумно и неожиданно развалилась моя обувь, обе китайские кроссовки. Пришлось идти покупать незапланированные ботинки. Сначала я отправился в магазин таможенного конфиската, но выяснилось, что пограничники еще не успели отнять ничего подходящего; пришлось тащиться в другой. Там я купил первое, что попало. Немного не рассчитал с ботиночными носами: они оказались слишком длинными, из-за чего я при моем невысоком росте приобрел совершенно дурацкий вид. Клоуном пошлепал по своим делам и дважды чуть не убится.

Остановился перед книжными лотками. Их было два: на одном лежала свежая литература, на другом – точно такая же, но вся уцененная до сорока рублей. Похоже, что книжки сознательно, в согласии с графиком перемещаются с одного лотка на другой.

Жутковатый голос над моим плечом со свистом осведомился, нет ли произведений писателя, от имени которого я сейчас сочиняю разнообразные романы. Я с горечью усмехнулся: ни намека на гордость автора, стоящего себе рядом инкогнито и тихо радующегося неосведомленности потребителя.

Между прочим, я почти дописал роман и теперь могу сказать, что мой эксперимент удался. Написать 12 авторских листов за 24 дня можно и нужно. Это очень просто. Я даже удивлен тому, что еще не все этим занимаются. Вот кое-какие полезные советы.

1. Выкинуть из головы всякие мысли о художественной литературе и поклясться, что изделие не будет иметь с ней ничего общего.

2. Рассчитать время и объемы. Разделить 480 тысяч знаков на 24 дня. У вас получится 20 тысяч знаков – пол-листа. Именно столько и придется писать ежедневно. Здесь присутствует элемент самодисциплины: графоману, например, придется в известной мере себя обуздывать, чтобы не закончить роман в один присест.

3. Растянуть сюжет на 10 авторских листов. Для этого достаточно просмотреть пару сериалов и прочитать две первые попавшиеся книжки с лотка. На третьем листе возникают некоторые трудности, но они вполне преодолимы – главное, поверить в себя.

4. Когда 10 листов будут написаны, нужно вернуться в начало и пробежаться по тексту заново, вставляя ненужные слова: прилагательные, наречия и многоточия. Два листа добавятся легко.

5. При правильной организации труда процесс займет около 3—4 часов в сутки. Оставшееся время можно посвятить созданию нетленного и душевного. Я написал сегодня целый абзац для себя лично и очень доволен.

Место для памятника

Крепнет и укореняется впечатление: наши правители наворовали уже столько, что им уже больше нечего приобрести, изобретение потребностей не поспевает за обеспеченностью. Поэтому завелись лишние деньги, которые нужно срочно потратить. Примерно так действовали мои предки в эпохи денежных реформ в 47 и 61 году, когда им приходилось скупать разнообразную дрянь, да поскорее.

Я тоже краду! В частности, название для этой записи. У моего почтенного земляка Даниила Гранина.

Я ни секунды не сомневаюсь, что из всех проектов облагораживания моего двора выбрали самый уродливый. Я для себя иного и не жду никогда.

Двор этот, будучи малой родиной, был дорог мне даже в запущенном состоянии. Там я и сам ковырялся в дупле исполинской ивы, которой давно уже, естественно, нет; там и покойная бабка успела посидеть на скамеечке, покачивая коляску с правнучкой. Скамеечка развалилась и испарилась следом за бабушкой, и посадочным местом сделался обширный пенек, на котором пировали разные люди. Один раз я даже присоединился к ним, возбуждая в жене, глядевшей на меня из окна, крайнее негодование.

И вообще я похоронил там кота.

Сейчас двор преображается, никаких тебе пней и валтасаровых пиров. Его прямоугольник пересекли крест-накрест две инопланетные дорожки, ограниченные высоким бордюром-поребриком. И он стал похож на почтовый конверт. Это уродство режет глаза, как жизнь, на которой поставили крест. В середине оставлен овал, слишком маленький, чтобы можно было там поставить горку или песочницу. Не знаю, что там можно соорудить – разве что бронзовый бюст.

Очутившись в центре космического заговора, я начинаю догадываться, чей это будет бюст. Я его, слава богу, уже не увижу.

Майский жук, или Вестник несчастья

Это довольно нескромная история о дружбе и вероломстве.

Дело было так: мне исполнилось девятнадцать лет. Я написал на бумажке «Кабакъ», прицепил ее к двери в моей коммунальной квартире и пригласил двух друзей. Мы немножко посидели и пошли в пивной бар, чтобы познакомиться там с порядочными женщинами. Наше желание осуществилось мгновенно. Именно такие женщины там и сидели, а никаких других не было. Но с нами подружились только две синицы, а нам было нужно трех журавлиц. Однако дареному коню в зубы не смотрят, и мы в обнимку отправились ко мне в гости.

Я тогда проживал в двух смежных комнатах; выбрал себе даму и увел ее танцевать под пластинку фирмы «Мелодия», а мои товарищи остались в гостиной, где между ними что-то происходило, чего я не видел. Я был очень занят, но все мои усилия пошли прахом: дама довольно охотно танцевала, но делала вид, что помимо танцев ей не приходит в голову ничего дельного. Пришлось поделиться своими соображениями, которые ее почему-то сильно возмутили, и дама засобиралась обратно в пивной бар.

Однако ее подруга, когда мы перешли в гостиную, уходить наотрез отказалась. Обращаясь к ней перед уходом, моя дама негодуяше воскликнула:

– Опять? Опять?

Это прозвучало подозрительно. Но мы были молоды, и думали, что будем жить вечно.

Она ушла, а мы остались. Подруга дамы обнимала моего долговязого приятеля, а тот, что был пониже, крутился рядышком, норовя подсунуться рылом, но его отгоняли. Избранника сильно тошнило, и он поминутно срывался с места, уходил. Тогда эта женщина позволяла маленькому временно заменить длинного, но стоило длинному вернуться, как она пихала маленького в морду и повисала на отблевавшемся. Однако ему вскоре сделалось совсем худо, и он ушел насовсем, окончательно опорожнившись лишь на платформе станции метро «Василеостровская».

Мой маленький друг возликовал, но не тут-то было. Он оставался в аутсайдерах, все внимание дамы вдруг переключилось на меня. Я чувствовал себя превосходно. Вдвоем мы с ней быстренько вытолкали нетерпеливца в спальню, прилегли на диван и погасили свет. Из спальни доносилось невнятное рассерженное бормотание, шаги, какой-то приглушенный стук. Мой приятель был крайне застенчив и хорошо воспитан, ему отчаянно хотелось в туалет, но он не смел нас побеспокоить. Поэтому он помочился из окна пятого этажа, отчетливо выделяясь в ночи силуэтом на фоне освещенного окна – к удовлетворенному хохоту ночных людей, отдохавших во дворе. Впоследствии соседи приписали этот силуэт мне самому, о чем и доложили моим родителям, из-за чего те сильно огорчились, и мне влетело. Поступок этот истощил терпение моего товарища. Мы с дамой о чем-то доверительно беседовали, когда дверь распахнулась, и он влетел к нам, уподобившись рассвирепевшему вепрю. В кулаке он что-то прятал.

– Нат! – Он подбежал к дивану и метнул нам под одеяло что-то крошечное. – Говорят, что майский жук приносит несчастье!

Мы озадаченно молчали. Мой товарищ скрылся в спальне, заперся и уснул, а я теперь знаю, почему у меня жизнь как не задалась в молодости, так и сейчас такая муторная, что неинтересно рассказывать.

Давно это было.

Либо ружье, либо последний акт

Сновидение, которое не выдержит натиска вульгарного фрейдизма.

Я обзавелся обрезом с очень красивыми автоматными патронами. Вышел на балкон и пальнул в воздух. Пуля описала величественную параболу и шлепнулась во двор, где играли детишки и старушки. Туда же обрушилась гильза. Какая-то въедливая шапокляк мгновенно сориентировалась, подобрала гильзу и пулю и стала осматриваться в поисках источника. Я спустился во двор, прогулялся там немножко с этой бабулей и небрежно объяснил ей, что все это наверняка чепуха. Но она не согласилась и осталась стоять, раздираемая желанием разобраться. Я вернулся домой, выглянул на балкон и увидел, что шапокляк уже сидит на лавочке в окружении милиционеров. Те рассматривают пулю и гильзу и сосредоточенно кивают бабуле. Я озадачился: не пальнуть ли мне в милиционеров? Но отказался от этой мысли и спрятал ружье.

По-моему, все очевидно.

Но мне ближе Юнг. Я думаю, что ружье в данном случае – всего лишь ружье.

Продовольственный секс

Джонатан Кэрролл закладывает в уста героине следующие слова: «Для нас, стариков, еда это секс».

Очень правильно! Именно это и говорили нам психиатры. Я сам об этом не однажды писал, хотя и хуже, конечно, чем Кэрролл. Ну, там о всякой топографической анатомии пищевого и полового центров, атеросклерозе, общем поражении. Как раз по этой причине я и не люблю приходить в мясную очередь, где женское общество стоит и вожделеет, топорщась шубами. Нет, они выбирают не мясо – они выбирают полового партнера.

– А вот мне было отложено... мяско! пока я была в овощном... ага, ага, вот-вот...

– Восемьсот восемьдесят...

Чек выбит, сдача лежит. Но – чу!

– Ой-ой-ой! стойте!... мне еще, на остаточек денюжки!... щас пожарить... я щас пожарю... вон тот! постненький! завалился, ха-ха... вон тот кусочек...

Между прочим, она и не старая вовсе. Да хоть бы и старая. У мужчин такой же атеросклероз, но покупают иначе. В чем тут дело?

Дело в том, что женщины, как и везде, заточены на прием, то есть намерены принимать все это в себя. А мужчины, хотя и примут, настроены на передачу. Так что в пизду и на хуй – это совершенно различные модальности в структуре продовольственных отношений.

Котик

Дочка нарисовала котика.

Я сильно растрогался и сделал из этого закладку. Уже вторую книжку закладываю – Данилю. А когда буду читать Сорокина, заложу его чем-нибудь другим.

– Какой хороший котик, – говорю я дочке.

– Это не котик! Это собачка...

– Ага. – Осторожно: – А что она ест? вон изо рта что-то валится...

– Она не ест! Она бешеная...

Ибанок

Я не выношу высоких каблучков.

И вот почему: когда я еще сплю, они цокают. И мне начинает сниться нездоровый поверхностный сон об их отпиливании.

Что за дурная ночь! Сначала приснился ужасный сон, от которого пришлось проснуться и покурить. Будто на меня хотят написать жалобу за то, что я в пьяном виде позвал милицию и хочу преподать урок беспризорным детям, которые нюхают клей и с крыши бросают в меня камни. Потом – как это считать? во сне или наяву? – меня укусил комар и пел победно, кружа вокруг. А утром, ни свет ни заря – зацокало.

Я, например, когда кто-то спит, хожу на цыпочках и говорю шепотом.

Добиться того же от моего семейства совершенно невысказано. Нынче к цоканью добавился прочий гром: тесть, нагостившийся, собирался в дальнюю дорогу. Банки! банки литровые – что, нельзя уложить вечером?

Помню, в далекие годы, когда я его еще более или менее терпел, теща дала ему записку: привези то-то, то-то «и банок».

Союз слился с существительным, и тесть недоумевал: какой-такой ибанок? Имелось, конечно, кое-что на примете, приблизительно подходившее семантически, но он не был уверен.

Сегодня с утра пораньше ибанок засовывали в мешок, и я содрогался с каждым пихом.

Конечно, ради его отъезда я и сам бы хоть круглые сутки грузил ибанок, производя любой шум, какой попросят. Время собирать ибанок, время его увозить, зато теперь радостная тишина.

Зажигалка

На выходе из метро полез в карман за носовым платком и чуть не выронил зажигалку. И сердце екнуло. Оно ушло в пятки, и я с трудом перевел дыхание, когда зажигалка все-таки не упала.

До самого дома я шел и думал: что же меня напугало? Почему оно екнуло? Уронил бы я зажигалку – и что? Предположим, ушел бы без зажигалки, увлеченный толпой, хотя толпы не было. Предположим даже, что кто-то на нее наступил, поскользнулся, упал и разбил себе рыло насмерть. – что мне с того? Огорчился бы я, перестал бы ночами спать? Да нет, это маловероятно.

Я пришел к выводу, что дело здесь в боязни несовершенства, в угрозе потери контроля. Я старательно выковываю свою персону-образ, шагаю себе независимо и строго, помахиваю зонтом, смотрю вокруг равнодушно и с некоторым презрением. И вдруг эта гармония нарушается непредвиденной случайностью. Дальше возможно все: я нагибаюсь, поскользываюсь, у меня рвутся штаны, из носа капает, а руки начинают жестикулировать в сложном тике, который я до того умело скрывал от общественности, но ее не проведешь.

На этот раз обошлось, но рубец остался – вернее, зарубка на память.

Если хозяин с тобой

Двор это микрокосмос. Не надо далеко ездить, надо просто набраться терпения. И все случится.

Недавно я просматривал, позевывая, местные скандалы на тему собачников – еще одна неисчерпаемая тема. И только что убедился, что собачники – люди принципиальные, они себя в обиду не дадут.

Дворик наш слегка, как я уже написал, благоустроили, и коренастый крепыш в зеленом свитере привел туда чудовище без намордника, которое мгновенно село срать и привлекло внимание соседки над нами.

Соседка повела себя точно так же, как поступают иные сетевые ораторы:

– Сволочь! Ублюдок!

И так далее. Третий этаж.

Крепыш, поощряя дальнейшее собачье сранье без намордника, набрал камней и начал метать в окно третьего этажа. Я не мог не восхититься его меткостью: бил очень точно. Мог бы попасть и в меня, радостно глазевшего на него, но не попал, все точненько ложилось окошком выше, кучно, как и собачье говно. Послышался звон, грохот, стекла посыпались, в комнате соседки что-то упало.

– Ах ты, сволочь! Урод!

Со двора:

– Ах ты, блядь!

Новый камень, и снова попал. Собака посрала и пошла по дорожке, роняя слюну.

Я думаю, настоящим собачникам ничто не грозит.

Маме приснилось

Матушка моя отожгла: ей приснилось, как я величественно скачу по небу на огненном коне, и вроде бы это Пегас.

Не иначе, как в связи с созданием народных коммерческих романов.

Мне это сновидение показалось довольно тревожным. Я не готов увидеть себя на небе. У каждого человека есть тайное подлинное имя и тайная суть, о которых он до поры не имеет понятия. Может быть, кое-что приоткрылось?

Вообще говоря, обидно. Вот так спишь, спишь, и ничего подобного про себя не увидишь. Мне все время показывают одно и то же: то я в тюрьме сижу, то больных принимаю, то бутылку прячу.

Гомеопаты

С интересом слежу за явлениями реанимации, развернувшейся во дворе.

Сперва эта троица промаршировала через двор, который виден из кухонного окна. Ярко выраженное быдло в количестве двух штук, не вполне вменяемое, волокло третье быдло под руки, вцепившись ему в волосы и запрокинув голову.

Потом они обосновались на лавочке в другом дворе, где детские грибочки и вообще все для них только что выстроено: горка, домик, качели. Я-то сперва подумал, что бедолагу волокут на какую-то разборку. Но он, похоже, наширялся до чертей. Может быть, и просто обожратушки, но что-то во мне сомневается. Усадили, стало быть, его на скамейку и начали воздействовать.

Оплеухи грохочут, как салют. Слышно за версту.

Судя по невнятному рыку, которым ему грозят уйти и бросить, убивать не будут. Это что-то глубоко личное, товарищеское, если-друг-наширялся-вдруг.

И – чудо! Он уже как огурец! Я думал, башка отлетит, так его добросовестно обхаживали. Нет, все успокоились, дружно заглядывают под лавочку. Что-то потеряли.

...Блин, надо же. Он уже здоровее тех, что его мудохали. Пошел куда-то. Полная гармония, дружба заново расцвела гипсовой розой.

Десант

Осень. Безрадостное пасмурное утро, оглашаемое печальными музыкальными всхлипами.

Возле Дома Культуры похаживают и поплясывают большеголовые ряженые – Телепузики, какие-то еще монстры, разрываемые мозговой водянкой. Аудитория не ахти какая, детишек почти и нет, затейники пляшут в одиночестве: приседают, раскидывают руки в изумленном гостеприимстве, пошатываются, подскакивают слегка. Имеют в общем и целом вид инопланетян, высадившихся не там, где надо.

Не исключено, что так оно и есть.

Понаблюдали с орбиты, сделали выводы, нарядились для облегчения контакта. Он и удался: уже какая-то лошадка к ним присобачилась, бегаёт по кругу с тележкой, возит желающих.

Но хотелось большего, конечно. И с музыкой промахнулись: надо не «Ласковый май», а какой-нибудь «Оборзевший октябрь».

Профессиональных контактеров пока не видно, и головастики продолжают выкладываться впустую.

Внутри они, скорее всего, сущие чудовища и побоялись напугать коренное население. Я уверен, что если сдернуть плюшевые головы – так оно и окажется, даже если они не пришельцы.

Сказка

Хорошее настроение, заря нового дня. Ее, к сожалению не видно, потому что за окном темно, но я и так знаю, что она есть.

Хочется писать разные сказки с намеком.

Жил да был, допустим, один человек. И вот он поймал в синем море Хоттабыча, и тот обещал исполнить его самое заветное желание. Но только наоборот.

А человек до того разволновался, что не вник.

И вскоре сделался душой общества. О нем говорили, что он приносит удачу. Многие хотели к нему прикоснуться, и прикасались, и после жили счастливо.

Правда, с ним не любили разговаривать.

Он кивал направо и налево, усердно желал здоровья и благополучия, но по глазам было видно, что врет. Странное дело, недоумевали люди.

Цивилизация

Меня занесло в Перинную линию, прогулялся. Гуляя, обращал внимание на «галеру» Гостиного Двора.

Там затеяли выставку восковых фигур. Подниматься я, конечно, не стал, потому что они денег захотели бы обязательно, эти фигуры, но и снизу все было видно прилично.

Впечатляющее зрелище.

Я так понял, что там показана цивилизация от палеолита до современности.

Первым стоял первобытный человек, похожий на культуриста – его я заметил первым и даже несколько опешил, потому что решил, что это какой-то перформанс. Потом начались некие греки и среди них почему-то – офицер современной российской армии, навтыяжку. Возможно, это был живой экскурсант.

Цивилизация распухала, как на дрожжах. Далее я увидел дядю Тома в камзоле и парике, огромного сидячего старца – явного Бога, Римского Папу и нечто вроде Моцарта.

Завершал мировую историю Шрек.

Подробнее не запомнил: у меня кончилась папираса, и я ушел.

Фотопортрет

Пошел себе делать Писательскую Фотографию. На обложку.

Отчаянно трудное это дело. У меня все портреты такие, что никак не скажешь, что Писатель. И дело не в том, что нос погнулся после падения на асфальт, да еще и разрезан кухонным ножиком пятнадцать лет назад, в туалете, где я открывал бутылку «Эрети». Вся поза какая-то не такая, не заинтересованная в судьбах и нравах.

Вот, например, в Центре современной литературы на стенах полно фотографий, и все сплошь Настоящие Писатели. Что ни лицо, то обязательно держит себя за подбородок, иногда обеими руками. Или уткнулось подбородком в кулак. И лоб наморщен, а если вдруг у кого-то улыбка, то обязательно мудрая.

Черт его знает, как это достигается: на каждом портрете – печать вечности.

Строгая девушка усадила меня на высокий стульчик, похожий на детский, и мне захотелось добавить себе нагрудничек и загулить. Поворачивала и так, и сяк, требовала ласковой задумчивости в глазах. Дурят людей-читателей! Ничего ласкового...

И вдруг одна фотография оказалась совершенно Писательская! Подбородок в кулаке, испытующий взгляд исподлобья, и складки на лбу, как у слона на жопе. Вылитый Набоков, начитавшийся себя самого.

Ее-то я и не взял.

БАМ

Маменькины воспоминания неизбежно повторяются и интересны, увы, все больше ей одной. Таков печальный удел всех мам. Но иногда ей удается меня удивить.

Например, следующей историей.

Мне было 10 лет. Я проснулся воскресным утром и спросил:

– Зачем нужен БАМ?

Все опешили. О БАМе в нашей семье почему-то не разговаривали, не вошел он в обиход. Началось растерянное блеяние. Тогда я серьезно сказал:

– Я согласен с Брежневым. Нужно отправлять туда молодежь, чтобы не хулиганила.

Мне давно казалось, что наше государство потеряло в моем лице замечательного министра внутренних дел. Теперь это подтвердилось. У меня всему нашлось бы применение – и русскому маршу, и гей-параду, и прочим шествиям. Поголовная и безутешная занятость.

Кинотеатр, сапог и дальнобойщик

В ноябре 2006 года я побывал на презентации.

Презентовали первый и второй выпуски альманаха «Литературные кубики», который я редактировал и пописывал в который. Мероприятие устроили неподалеку от моего дома, в магазине «Книжный дом», который сделали вместо магазина игрушек «Золотой ключик» – моего любимого, вечная ему память, у меня до сих пор сохранился поросенок, купленный там в 1970 году.

И вот мы расселись за столиками – главред, Владимир Рекшан и я, с табличками-имя-указателями перед собой, и с минеральной водичкой. А напротив расположились случайные потребители, все больше женщины с большими седалищами, да еще приблизился какой-то нетвердый мужчина в пятнистом ватнике. От мужчины исходил врожденный запах дубильных веществ и спиртов. Все вопросы писателям задавал он.

– А вот извините-разрешите спросить – про что вы пишете? – спросил он у Рекшана.

Это страшный для писателя вопрос. Рекшан растерялся и понес какую-то ерунду.

Мужчина посуровел, исполненный укоризны.

– А вот вы пишете про жизнь простых людей? Вот я – дальнобойщик. Вы пишете что-нибудь про дороги? Про нашу простую жизнь?

Выяснилось, что специально – не пишем. К сожалению, в данный момент у писателей таких произведений нет. Есть о любви.

– Любовь была вечно, – сказал дальнобойщик. – Мужчина всегда стоял перед женщиной на коленях. Вот о простых людях что вы пишете? Я целую неделю жил с бомжами, в подвале...

Причинно-следственная цепочка, вобравшая в себя проживание с бомжами и последующее стояние на коленях перед женщиной, начала отчетливо вырисовываться. Чтобы укрепиться в своих подозрениях, я попросил дальнобойщика показать книги, которые он уже купил. Роман «Запах любви» или «Ветер любви», с сердечком на обложке – ну, понятно. Уход из дома ради сожительства с бомжами – затея, за которую приходится платить и заглаживать вину. Стоять на коленях, покупать роман.

Книг о простых людях в его авоське не оказалось. Там имелся роман Петра Катериничева и что-то про космического робота.

Простой дальнобойщик взял на себя основную тяжесть беседы с писателями, выступил с наказаниями от простого народа и спросил, как я мог написать «Сибирского послушника», которого он не читал, зато побывал в Барнауле.

Потом состоялось вручение приза: оказалось, что издатель разыграл для покупателей домашний кинотеатр. Тут же его и выиграл какой-то пацан лет четырнадцати, который от этого совершенно ошалел, и менеджеру пришлось говорить по телефону с его мамой, убеждать ее в реальности случившегося.

Молодой человек сфотографировался на память с альманахом, кинотеатром, Рекшаном и мной.

Рекшан убивался: надо было и его допустить к розыгрышу. И меня. Я мужественно улыбался. Писатель не имеет права сетовать на лишения. Правый зимний сапог у писателя был растянут, там сломалась молния, и денег на новый не было. Это у меня сломался сапог.

Про Рекшана не знаю, но он тоже не выглядел автором Духлесса или чего-то еще, похожего.

Домик-пряник

Естествознание понуждает меня вести календарь наблюдений за маленьким игрушечным домиком, который установили во дворе.

Я прикинул, сколько времени понадобится, чтобы в нем нагадили, и дал один месяц. Не без погрешности, но в целом угадал.

Там, внутри этого скворечника для стервятников, вообще уже сделали все, что можно. Больше вообразить нечего.

Смотрю, как бабушка с сумкой играет с маленьким внучеком.

Топ-топ-топ вокруг домика: бабушка, по часовой стрелке. Преувеличенно паркинсонической походкой, мелкой и семенящей, как бы бежит, торопится найти внучека. Заглянула в окошечко: нету! ай! где же он? только куча говна... Топ-топ-топ вокруг домика, против часовой стрелки. Не терпится: где же внучек? Ну-ка, ну-ка...

Заглянула в другое окошко: бутылка стоит!

Куда же внучек подевался? А-а, вот он! Беги ко мне, моя радость, беги ножками.

Выпечка

Занимаюсь третьим выпуском «Литературных кубиков».

Там много чего будет про юмор, и юмора самого там будет сколько-то, и тонкой иронии, и не очень тонкой.

Даже статьи есть о юморе. Так что я в кои-то веки раз начал думать про юмор: почему он, какая у него причина?

Потому что смех без причины – это известно, что такое. Причина должна быть. Она и есть: это все остальное, что не юмор, то есть серьезное, печальное и трагичное. А над чем еще смеяться? Не вижу другой причины.

Ну и хватит теории.

Купила, стало быть, супруга моя булочки. Такими торгуют только у нас во дворе, в тле-творном магазинчике, весьма дешевом и гаденьком. Упаковывают в целлофан вручную. Таких булочек я больше нигде не встречал. Все у них как будто на месте, но что-то в них не то.

Тесть ходит кругами вокруг них, желает покушать.

– Погоди, их намазать надо чемнибудь...

– А я хочу это попробовать!

И вдруг его пробило; он сказал, что эти булочки выпекают на ляжках большие армянские женщины, и ему интересно.

Плотники

Продолжаю усиленно размышлять о юморе.

Старый вопрос: шутит ли Господь Бог, веселится ли он?

Юмор, как мне и не только мне кажется, рождается из несоответствия формы и содержания.

Человек потешается и покатывается со смеху, а Господь, как везде указывают, скорбит. Или тоже веселится? Ведь это Он, в конце концов, понаделал такие формы с такими содержаниями – или, во всяком случае, не мешал другим.

Вот я забиваю в стенку гвоздь – естественно, криво. Скорблю, конечно, но и веселюсь. Весело его, гнutoго, выдергиваю и выбрасываю, беру другой.

Господь, глядя, как я забиваю гвоздь, тоже веселится и скорбит, тем более что сам из плотников. Выдергивает меня, безрукого, и выкидывает, а сущность мою вкладывает в какой-нибудь более сноровистый организм.

Остается выяснить, что думает обо всем этом гвоздь.

Лишай и вечернее платье

Я перевожу медицинский текст, и в нем упоминается цветной атлас кожных болезней. Сразу нахлынули воспоминания. Может быть, я об этом и рассказывал, но уже давно, это точно. Не помню.

На третьем курсе, когда мы проходили кожные и венерические болезни, была у нас с приятелем одна такая знакомая Марина. Однажды она оказала мне большую услугу: нарядилась моей невестой, чтобы впечатлить и разжалобить мою бабушку, и мы с ней пришли к бабушке клянчить кое-какие лекарственные препараты, которые в аптеке не купишь и за которые вообще сажали в тюрьму, а у бабушки-доктора они лежали чуть ли не с войны. И вот моя невеста рассказала длинную историю про свою семью, пораженную раком от мала до велика, и бабушка выдала испрошенное. А так бы не дала. И мы лекарства употребили в полном согласии с нашими тогдашними интересами.

И вот эта Марина попросила нас об ответной услуге. Она училась в каком-то институте, и ее заставляли приходить на физкультуру в шортах. Их преподаватель был сущий жеребец, так и косил своим конским глазом, а ей это не нравилось. И она сказала жеребцу, что не смеет ходить в шортах, потому что страдает отгалкивающим кожным заболеванием. Теперь за базар предстояло ответить, и она хотела, чтобы мы зарисовали ей ноги пострашнее.

Мы взяли большой дерматовенерологический атлас и пошли в ресторан «Универсаль». И там разложили его на столике, между закусок и графинов, и стали придирчиво выбирать болезнь.

Ресторан опустел в радиусе нескольких столиков. А официанты приближались на цыпочках, очень недовольные. И никто не приглашал ни Марину на простой танец, ни нас на белый.

Что-то мы там выбрали, дальнейшее тонет в тумане. Мой приятель повел Марину к себе на квартиру, и что уж они там нарисовали, я не знаю.

Гитлер

Прочитал в газете, что Гитлер умер в 1964 году в Аргентине.

На самом деле он вообще не умирал. И не рождался. Как и Сталин. И все остальные с ними, включая ныне действующих.

Потому что ничего и нет, кроме огромного гадостного озера, которое дымится и регулярно лопаются пузырями, как это принято на Огненной Земле. На высоте опузирения это дерьмо видит сон про себя, в котором оно имеет пирамидальную форму, олицетворяя нацию, с оптимальным, себе под стать, правителем на верхушке.

Близ небожителей

Итак, посетил я в Гавани книжный салон, где позанимался презентацией «Литературных кубиков».

В Гавани хорошо, особенно утром, когда настроение еще не испортилось.

Я по-писательски задумчиво озираю морскую даль – наверно, думал о судьбах страны. Потом с удовольствием осмотрел щит с программой мероприятий. Мы были обозначены отдельным номером и шли через запятую: Дуня Смирнова, Крусанов, Топоров. Я удостоился почетного множественного числа «и другие».

Внутри увидел почетного Сергея Степашина, постоял рядом с ним. Потом купил у БГ книгу песен, назвался Алексеем и попросил надписать. Он всем кивал с заученной доброжелательной улыбкой, и у него борода торчала не то китайская, не то троцкая.

А потом я скромно уселся на сцене сбоку и присосался-таки к известным людям: всех усиленно фотографировали и снимали для телевизора, который обещают в воскресенье, но меня обязательно вырежут, как уже было, я знаю.

Ну, я поговорил немного в микрофон, не особенно вникая в сказанное.

Потом гулял по этому салону, рассматривал разные книжки и издательства. Почти ничего не купил. Заинтересовался было каббалистами, но они вдруг повели себя как сайентологи и свидетели Иеговы: «Что-нибудь об этом слышали?» Я бежал.

Устроился пить кофе в каком-то закутке, рассеянно слушал очень круглого, сытого молодого человека, который кусал бутерброд с рыбой и озабоченно говорил своему товарищу: «Великие художники умирают нищими».

Делать больше было нечего, и я отправился скандалить в один киномагазин по поводу дерьма, которое они мне вчера продали.

Фрилансер

Любой фрилансер, возражая офисному планктону, обязательно скажет, что может, если захочет, не работать, а вовсе завалиться поспать. Фрилансеру вообще замечательно живется. Вот просыпается он и приходит в ужас от того, что снова проснулся и вообще живой. Пожалуйста – спи дальше.

Я тоже решил, что пошли все к дьяволу, надо бы вздремнуть, пока никого нет дома. Не тут-то было.

Этот черт, проживающий за стенкой, тоже фрилансер – если задуматься, ибо пенсионер, удумал заколачивать гвозди.

Вот я поражаюсь: уже и мозги он пропил давно, и яйца, и помирать уже очень скоро, и если сколачивать что-нибудь, то разве что гроб, или прилаживать крюк на стенку. Нет! старается, как муравей, крепит полочку, пилит по дереву в паузах между ударами.

Сплошные воля и представление. Неумная воля и затянувшееся представление при медленно свирепеющем зале.

Трансформер

С тоской поглаживаю дверной косяк.

Многие измеряют своих отпрысков, пока это еще имеет для родителей смысл и вызывает радостные эмоции, а не печальную констатацию неумолимого факта. Прикладывают линейечку, чертят карандашом, пишут число.

Я тем же занимался.

Может быть, я чересчур усложняю дело, но мне всегда казалось, что ценность здесь – если она вообще есть, эта ценность – имеет все в комплексе: не только рост и дата, но и цвет карандаша, и толщина линии, и почерк, и четкость.

Возможно, я предъявляю к действительности слишком много требований. Тесть мой, конечно, хотел как лучше. В мое отсутствие он взял и пропилил все дочкины черточки-отметки, с 99-го года начиная, и все они стали одинаковые.

Зато появилась добротность.

Не вырубишь топором, да. На века. Эстетика пилорамы.

Назойливое преследование

Утро, приятный летний дождик за окном, уверенно зеленеет трава.

«Все было пасмурно и серо, и лес стоял, как неживой, и только гиря говномера слегка качала головой» (с) А. Галич.

Промучился бессонницей – не знаю уж, почему. Привалился к окошку: старичок, еле держащийся на ногах, прицеливался корпусом в скамейку. В руке держал настойку боярышника. Достоинство в нем сохранилось, он опасался сесть на мокрое, и потому выудил из-под скамейки, из самой грязи, насквозь промокший лист картона. Удовлетворенный сел, и к нему сразу приблизился кто-то такой же.

Жена с утра пораньше рассказывает о вчерашнем. Они курили с коллегой, возле школы, и проглянуло солнце, и жена сказала, что вот – замечательно, солнышко выглянуло. А тот продолжил: «И голуби вон, смотрите, клюют говно». «Радостно так!» – добавила жена, и я мрачно поинтересовался, что радостно – продолжил или клюют? В коротком дискурсе сошлись, таким образом, оптимизм, пессимизм и что-то третье – пытливость, что ли, мною проявленная.

Побрел в магазин, там женщина. Голосом, каким вызывают Скорую Помощь, и с таким же лицом: «Мне свеклочки, два киллограмчика...»

Вот что я вчера видел в метро. Идет инвалид. Что-то врожденное или приобретенное. Идет очень мелко, немного кривляется. А за ним топает другой человек, уткнулся на ходу в книгу. И незаметно для себя подстроился под темп. Инвалид семенит, оглядывая окрестности идиотским взглядом, и читающий семенит.

А ведь можно очнуться и обойти.

У меня ощущение, что я тоже пристроился кому-то похожему в спину, и книжка-то дрянь, которую я увлеченно читаю, но оглянуться не получается.

Аристон

Быть Брюсом Уиллисом. Да. Иногда получается.

Перекусил провод.

Долго выбирал. Моя задача облегчалась тем, что он был один.

В прошлом году, пока я сидел с дитем на даче, а дома шел ремонт, тесть начинил мою квартиру замедленными минами. Кое-что уже сработало, и вот сегодня настала очередь электроплиты.

Эту душевнобольную плиту «Аристон» супруга моя и тесть приобрели со скидкой, потому что плита была немножко бракованная. Но нельзя же дискриминировать товары по этому врожденному признаку. Надо сохранять толерантность.

И вот сегодня плита вдруг рехнулась: она стала щелкать самостоятельно и плеваться искрой. Дело осложнилось тем, что электрический мой тесть подключил ее напрямую к проводу, который в стене, без розетки. А сверху построили кухню-буфет с ящиками.

Так что Ленгаз обрадованно пообещал мне отключить на выбор либо газ, либо свет, потому что ломать мебель не имеет права.

Но ломать не пришлось, ибо провод все-таки обнаружился.

И я его перекусил.

Огромными прабабушкиными ножницами. От прабабушки в доме после ремонта уже ничего не осталось, кроме ножниц, но они оказались посильнее некоторых современных проводов.

Вот ведь умеют устраиваться некоторые люди. Год назад тестя благодарили за подключение провода. А сегодня его благодарили за телефонные подробные указания насчет перекусывания провода.

Подключил – совершенно прав, и перекусил – снова молодец.

Благая весть

Справедливости ради можно написать и о теще. Я напишу о дядиной.

Она представляла собой квинтэссенцию, но я еще не решил, чего именно. Во всяком случае, не квинтэссенцию тещ, потому что моя собственная добродушная клуша – в отличие от тестя – опровергает универсальность.

Это была безобидная на вид старушка, ходившая с поджатыми губами и заподозрившая мою маму, когда мы гостили у дяди, в краже своих трусов.

Дядя желал теще смерти.

Задолго до того, как феминистки ополоумели и вошли в силу, она сидела и важно заявляла:

– Мужик бабе не нужен. Мужик требуется, чтобы ребенка родить. Понадобился мужик – пошла к ларьку и взяла любого.

Сама она похоронила двоих или троих.

Когда дядя собирался в магазин и спрашивал, что там такое купить, теща отвечала ему стереотипно:

– А что купите, то и жрать будете, а ничего не купите – ничего жрать не будете.

Дядя пил мертвую и молился. Однажды теща, которой было уже за восемьдесят, схватила тяжелый грипп и лежала без памяти с температурой за сорок. Она поправилась, и дядя бесновался, тарачил глаза и потрясал кулаками:

– Я на цыпочках ходил!... боялся спугнуть!

Она померла лет в девяносто. И явилась во сне моему брату, который рассказывал:

– Бабка приходила. Просила: здесь жарко. Найди мое красное шерстяное платье в шкафу...

– А он и не знал, что у нее такое платье висит в шкафу! – тянул мой дядя, хмуря брови. Обмирая от восторга, воображая место теперешнего обитания тещи, он задумывался о загробной жизни. – Что-то есть, – приговаривал он сладострастно и недоверчиво, цепенея при виде адских картин. – Что-то есть...

Чем занят Бог, покуда черт дремлет

Вышел на улицу.

Свидетельница Иеговы уже караулила меня у водосточной трубы.

Она хотела, чтобы я тоже стал свидетелем, а если откажусь, то обвиняемым.

Я быстро прошел мимо. Когда ко мне обратились с вопросом о Боге, я привычно отрекомендовался сатанистом.

Это не смутило свидетельницу. Вдогонку мне понеслось увлеченно-надтреснутое:

– Так вот Бог сейчас уже и...

Бабочка и Чжуан Чжоу

Вздremнул, от трудов утомившись, и увидел сон, как подписываю контракт на рассказ «Несвежий ветер», которого у меня нет, в белгородский фантастический альманах «Числа», о котором тоже услышал впервые.

Я сидел в каком-то почтовом отделении, куда контракт пришел заказным письмом, и подписывал. И собирался позвонить в Белгород, чтобы порадоваться за себя и за них особенно, когда меня арестовали и стали тут же, на лестнице допрашивать сначала один, сперва притворившийся дворником и знатоком фантастики, а потом второй, а дальше и третий.

Оказалась, что сотрудница журнала, приславшая мне письмо, шпионит в пользу Кипра. И знакома с моим московским дядей, который работал раньше на секретном объекте. Теперь остается выяснить, какую роль во всем этом играю я.

Мне пришлось долго оправдываться, и меня мрачно слушали. Потом главный поманил меня пальцем и нарисовал на листочке бумаги стрелочку с двумя разнонаправленными ключами, что означало: свободен. Сказать это словами ему было стыдно.

Я молча вышел на улицу и оказался где-то на окраине с незнакомыми автобусами.

Чжуану Чжоу снилась бабочка: Бабочка стала Чжуаном Чжоу. (Ли Бо в переводе В. Алексеева).

Кто кому снится?

Моя добрая, любимая жена

Ребенок болеет, и кот озаботился: принесли много лекарств.

Сидит, ошеломленно втягивает воздух и по ночам лижет пустую тарелку из-под блина.

Жена кричит мне:

– Иди, иди сюда!

Иду. Она развлекает кота пузырьком календулы. Кот содрогается, тянется, отвращение борется в нем с неутолимим желанием. Он не уверен в себе, как семикласник на дискотеке для выпускников.

– Смотри, смотри...

Подносит пузырек к коту. Кот хрипит, закатывает глаза, трется.

В голосе жены обозначается горькая мстительность, ибо календулы коту никто не даст, и это приятно – не дать:

– Смотри, смотри. Твоя кровь! Календулы хочет. Сволочь алкоголическая, токсикоманнице...

Чума на оба ваших дома

Когда Монтекки и Капулетти начинают делить внучатое потомство, мне всегда хочется отмочить какой-нибудь фортель, чтобы отвлечь внимание на себя. Напиться, выбросить в окно мебель, уехать жить к падшим женщинам.

К Новому Году борьба за влияние обостряется.

На сегодняшний день побеждает тесть, которому я готов присвоить звание Капулетти, но только при замене «а» на «о». Известное дело – у него и машина, и домик в деревне. Это соблазняет и растлевет, ибо само по себе предпочтение неприлично.

Помню единственный случай, когда противоборствующие дома объединились.

Это случилось в цирке несколько лет назад. Дочке было годиков пять. Или четыре.

Маменька моя приобрела билеты и повела в цирк внучку, а заодно и тестя моего, в качестве бонуса.

Бонус сфотографировался со слоном, в фойе. К сожалению, не догадался его подразнить. А потом купил ребенку Нос.

Это был тонкий ход, которым тесть свел на нет культуртрегерские старания моей маменьки. Потому что на протяжении всего представления ребенок был занят этим Носом, на резиночке, красным, клоунским, размером с дедушкин мозг. И не смотрел на арену.

Упущенные возможности

Это довольно длинная и замысловатая история, положившая начало многим отвратительным вещам, о которых я либо напишу, либо нет.

Новый, 2007, год мне пришлось встречать в одиночестве, на заснеженном проспекте, без животворящего контакта с телекурантами и телекурятами. Я даже не знал, наступил ли он, или еще длится старый. Я настолько расстроился, что мгновенно напился в ближайшем казино и дальше пил с переменными просветлениями. То есть день – да, пил, а два – тоже. В очередной понедельник матушка моя, которую я попросил купить молочка, чтобы она ушла, а я без помехи выпил спрятанной водочки, нашла меня лежащим на полу без сознания, при включенном компьютере с ЖЖ на мониторе и с лицом, залитым кровью.

На этом вираж оборвался, и далее я несколько дней приходил в себя.

Правая бровь моя была рассечена и заклеена. Это важно.

Дома я радостно сварил себе кофейку и сел писать в ЖЖ. Но мне помешал звонок в дверь.

– Кто там? – спросил я не без достоинства.

– Милиция, – ответили из-за двери.

– А чем же вы докажете?

– А вам видны мои документы?

Глазок я вешал сам, поэтому увидеть в него нельзя было ничего.

– Тогда вот вам моя фамилия, и позвоните в РУВД.

В РУВД мне поклялись, что гость говорит чистую правду.

Милиционер отказался от кофейку и даже от последних анекдотов из ЖЖ. Он начал расспрашивать меня, где я был днем. На счастье, у меня была справка от доктора. Днем меня дома не было. Потом он начал необоснованно, на мой взгляд, интересоваться старушкой снизу, которая жаловалась на нас, что мы летом перегнали к ней мышей, и она гоняет их ночью такой палкой, которую специально завела и там держит.

Кривя лицо, я сказал, что так себе соседка. Вредная.

– Убили соседку-то, – сказал следователь. – По голове. И что же нехорошее вы о ней знаете?

И тут я все понял! я увидел, что он глядит на мою заклеенную бровь!

Следователь криво усмехнулся.

– Нет! – закричал я, прижимая руки к груди. – Нет, нет, нет! Вот же, у меня есть справка! Там сказано, где я был днем!...

– А кто же был здесь днем? – прищурился тот.

Взгляд мой упал на стремянку, мешавшую мне ходить туда и сюда.

– Тесть, – шепнул я. – Здесь был мой тесть.

– А как его зовут?

– А так-то.

– И где же он сейчас?

– А не знаю, – я пятился, безумные мысли роились в моем сознании.

– Он-то с утра ее и нашел, – со значением молвил милиционер.

– Телефончик, его телефончик, – засуетился я. – У него синий баклажан-москвич.

– Ну, спасибо, – гости встали и пошли к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.